

26/09
20/09
24/09

K84

H91

¹⁹³

Мурзаков - Печорский
шахматы

62

23v

?

К84-5

В. ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧОРСКИЙ

Р2(коми)

нс-91

116397

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
гор. Печора.

Междуречье
ЛИРИКА

Книжное
издательство

Муниципальное учреждение
«Печорская межпоселенческая
централизованная
библиотечная система»
«Печорская овощехранилищно-
штаб библиотечной системы»
муниципальной учреждение

1969
Отдел организации и
использования единого
книжного фонда
Печорской ЦБС
г. Печора, Гагарина 51.

P 2
Ж 91

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Междурье» — третья книга стихов Василия Журавлева-Печорского. Первая вышла в 1957 году, вторая — в шестидесятом.

Писатель хоть и молод (ему сейчас 32 года), но он многое уже успел испытать и увидеть на своем, пусть еще недолгом, пути. Как у всякого настоящего художника, его стихи рождены жизнью, подлинным знанием того, чем живут и дышат современники, о чем они думают и мечтают, к чему стремятся.

Не случайно биографии героев этих стихов во многом совпадают с биографией их автора.

Четырнадцать лет от роду, в тяжелое военное время начал В. Журавлев свою трудовую жизнь. Закончив курсы авиарадистов, он работал на Крайнем Севере, в Коми АССР; без отрыва от производства учился в вечерней школе, затем зимовал на побережье, служил в морской авиации.

С далекой зимовки пришли в редакции газет «Нарьян-на Вындер» и «За новый север» первые стихи начинающего поэта. Они были еще слабыми, во многом ученическими, но в них было главное — стремление человека увидеть ростки новой жизни во всем, с чем он встречается каждый день, каждый час, а увидев — обрадоваться этому новому всем сердцем, встать с этим новым рядом, плечо к плечу.

В одном из стихотворений сборника «Междурье» мы находим такие слова:

На севере живу, но не в глухи,
Свою сторонку не считаю дальней.

Их можно было поставить эпиграфом ко всей книжке В. Журавлева. Он поет север — не «дальний» и «дикий», не «захолустную» и «проклятую богом» землю, а север сегодняшний, устремленный вперед, в будущее, край огромных возможностей и замечательных людей. И тут для него источник вдохновения и творчества, источник поэзии. Это не значит, что поэт только и делает, что умиляется и приходит в восторг. Нет, он видит жизнь во всех ее сложностях и противоречиях, но от этого она не становится тускнее. Герои стихов поэта умеют одолевать любые трудности — этому они учатся у героев жизни, у тех замечательных энтузиастов, имя которым — миллионы.

В «Балладе о линейном монтере», поэт рассказывает нам о пареньке, которому поручено выполнение ответственного задания. Паренек этот в пургу и лютый мороз совершает героический подвиг. Баллада о нем заканчивается лаконично и строго:

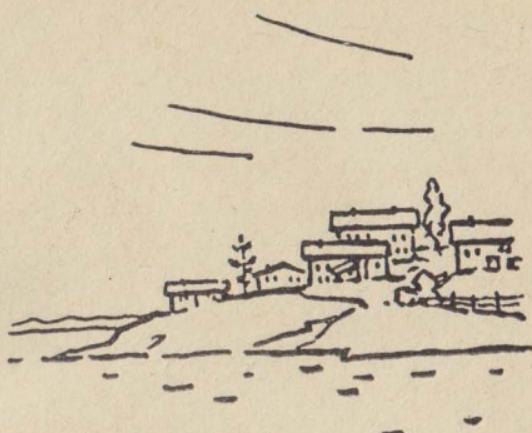
А завтра, быть может, начальник конторы
Снова к себе позовет монтера.

— Где-то обрыв. Осмотреть и найти.

— Можно идти?

О таких людях эта книга. Она зовет к труду, к мужеству, к закалке характера, она учит любви к человеку-труженику. Ее хочется от всей души порекомендовать читателю.

Виктор Тельпугов.

У

сть-Цильма!

В нее загляни ненароком

И после уже не разлюбишь ее.

СЕВЕР

1

иши начало дороги пройдено...
Слышу в шуме пролетных стай
Чистый голос лебяжьей родины,
Незакатного солнца край.

И куда бы судьба не забросила,
У каких не сидел бы костров,
Я, как парус рыбакский осенью,
Над волнами взлететь готов.

Мачты гнуть,
Вырывать уключины,
На ветру расплескаться —

лови!

Загрустить на какой-то излучине,
Как мальчишка от первой любви.
Стать палаткой,
Дрожать от холода,
Чтоб рыбак под дождем не мок...
Оба мы несказанно молоды —
Мы в начале своих дорог.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ГОСТИ

Усть-Цильма!

Для вас незнакомое слово.

А для меня!..

Я тут родился.

Конек-горбунок, облетая леса,

Над этим селом обронил подкову.

Шелонник ночами гуляет по плесам

Еще необузданной нами реки.

Чего не расскажут о нем рыбаки,

Не просудачит поморник с откоса.

А пожни!

Плутаешь в траве, как в лесу,

Хмелеешь на зорьках от запаха мяты,

С размаха свою опуская косу

На тысячелистник лосями примятый.

Вы не были здесь?

Побывайте хоть раз.

Взгляните, как солнце встает из тумана.

Я вам покажу нефтяные фонтаны

И первый, еще безымянный алмаз.

Вот только у нас рыжеваты девчата,

Культурности нет, говорят, у парней.

Так это ж Усть-Цильма!

И все же крылатый

конек-горбунок,

пролетая над ней,

Для нас обронил золотую подкову,

Нам счастье доныне приносит она.

Не верите?

Сказка — не красное слово,

С намеком в наследство оставлена нам.

ПУТИНА

Другими становятся села:
На новых сосновых мостках
Ни шутки, ни песни веселой,
Гармони — с огнем не сыскать.
Костры замерцали в заречье.
Палатки дрожат на ветру.
Гудят бережничего плечи
От бечевы поутру.
И тот не мужик, кто в путину
Бежит за четушкой в ларек,
Кто всякие там именины
Позднее отметить не мог.
Поморов обычай стащинный!
Он радовал с детства меня...
Пройди наша жизнь как путина,
Как полная рыбы тоня.

* * *

Если ты родился в катагаре —
Полотняном доме рыбака,
Если ветер в этот час удариł,
Молнию принес издалека,
Прошумел на вешалах сетями,
Вымыл их, почистил и ушел
За кряжи,
За тот былинный камень,
Где нашли алмазы —

хорошо!

Если шторм осенней темной ночью
Злобно бросил карбас на пески,
Вас на берег выпустить не хочет,
Разнести сулится на куски,
Ты упрямо сбросишь с плеч усталость.
Смотришь — выход из беды нашел.
«В жизни нашей всякое бывало», —
После бури скажешь.
Хорошо!

Если мне в пути придется туда,
Потянусь к тебе издалека,
И почую рядом локоть друга,
И услышу голос земляка:
«Если ты родился в катагаре,
Если в братьев-северян пошел,
Будь всегда, как говорят, в ударе», —
И ответит сердце:

Хорошо!

НОВОСЕЛ

Вот и кончился лес.
Лиши кусты ивняка над рекой.
Лиши седые холмы вдалеке
Да горят в полутьме огоньки.
А простор у реки молчаливый какой!
Чайки дремлют на желтом песке.
Не тревожат их наши гудки.
Ты на берег сойдешь.
Здесь тебя поджидают давно.
Вон стоят рыбаки —
Бородатые рослые люди.
Завтра утром, когда еще будет темно,
Чей-то шустройший мальчишка
Тебя непременно разбудит.
Скажет:
«Тата зовет. Едем сети смотреть.
Поднимайтесь скорее — и с нами».
В том начало твое.
Будешь много иметь,
Если выдержишь этот экзамен.
Между делом расспрашивают: «Откуда?» и
«Кто?»,
«Что планируешь в жизни?», «Что можешь?».
И щербой угостят,
Поднесут для согрева притом,
И подарят бахилы из нерпичьей кожи.
Вот и кончилась юность,
И прощальный гудок над рекой
Повисел,
умолкая,
и убраны сходни.
А простор у реки —
он обычно совсем не такой

Молчаливый,
каким показался сегодня.
Пожилые рыбачки уже напекли пирогов.
Словно сына, тебя старики обнимают...
Чтоб на берег сойти,
надо сделать двенадцать шагов,
Это трудно порой.
Понимаю.

* * *

Далеко деревня Оксино,
Низовой болотный край,
Над которым поздней осенью
Сышен гвалт утиных стай.
Там живет моя давнишняя
Ранней завязи тоска.
Заглянуть?
Но это лишнее,
Что утеряно — искать.
Ты прости, деревня Оксино,
За молчание прости,
И весной и поздней осенью
Мне любовь свою нести...

ТАК ДЕРЖАТЬ!

На севере есть деревушка одна,
В еловых лесах затерялась она,
Медвежьим углом прозывают ее...
Там детство осталось мое.
Там к морю выходит большая река...
Дорога была у меня нелегка.
С восьми, а быть может и меньше, годов
Легла на плечо бечева неводов.
Да что бечева. Нынче можно сказать,
Что в темные ночи тревожилась мать;
Ведь осенью с моря — дожди и ветра,
(Стояла она над рекой до утра),
Ведь карбас рыбакский не больно велик...
А батя смеялся: «Держать напрямик!
Ты лучше мальца поплотней накорми».
«Вода в сапогах? Промокают они?
Залил? Дай-ка ногу...
Скорее сниму».—
И тихо у нас становилось в дому.
Мы с батей сумели друг друга понять:
Жалеть и ласкать — это сделает мать.
А батя хотел, чтоб я с детства привык
Не хныкать,
не гнуться,
держать напрямик,
Пускай даже карбас начнет заливать...
Так держать!

НИЗОВЬЯ

Море дремлет. Руки стынут.
Морось. Полумгла.
Чайка сбрасывает иней
С белого крыла.
И, высматривая сети,
Рыбаки поют
Про какой-то теплый ветер,
Про весну свою.

ПОМОРЫ

Как песцы,
К воде поближе
Жмутся села наши.
То ли Пеша,
То ли Нижा
Нам платками машут.
Не поймут откуда сплыли
Карбасы смоленые?
Плотно ели,
Сладко пили
У тебя, Зеленая.
Там кому-то было горько.
Там кого-то славили.
Бригадира звали Борькой
И плясать заставили.
Хлеба-соли взяли! — трогай,
К морю заворачивай.
Отдыхайте за дорогу,
Ждут деньки горячие.
То ли Катя,
То ли Маша
Плачет на угоре...
Как песцам
Без речек наших,
Нам не жить без моря.
Дай-ка прикурить, дружище:
Руки онемели.
Отдыхаем!..
Ветер свищет
целую неделю.

ЗЕЛЕНАЯ

Рыбацкий поселок Зеленая,
Давно я тебя не видал.
Взглянуть бы на море Студеное,
Тряхнуть бы сейчас невода.
А там не грешно и по чарочке
За нашу соленую жизнь.
А там с кареглазой товарочкой
Вприсядку, как раньше, пройтись.
И выйти на улицу сонную,
И снова понять, что любим.
Рыбацкий поселок Зеленая,
Я всюду останусь твоим.
И я никогда не посетую —
Пусть семгу руками едят,
Пусть, в грубые куртки одетые,
Открыто целуют девчат.
Все просто у моря Студеного,
Там все и у всех на виду.
Мне вновь показалось, Зеленая,
Что к лодкам с дружьями иду.
Они только гости на суше,
Они неуклюжи на ней,
Но чистое золото — души
У этих парней.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
гор. Печора.

17

Муниципальное учреждение
«Печорская межпоселенческая
централизованная
библиотечная система»
«Печораса овмодчоминъяслон
шор библиотечной системы»
муниципальной учреждение

* * *

Да! Я географ! Разве плохо?
Мне все равно: хвали, хули...
В мою суровую эпоху
Пишу о красоте земли.
Ты скажешь после: «Не заметил»,
Когда раскусишь, наконец,
Что я бродил по белу свету
За географией сердец.

ПРИВЕТ В АНТАРКТИДУ

Л. Жигалову,
начальнику станции
„Восток“, б-я смена

Вчера принесли телеграмму
Из Антарктиды далекой.
Меня земляки попросили
Стихами ответить «Востоку».
А что написать, не знаю...
Так робим себе в колхозе.
Вы лето сейчас встречаете.
Мы сено с лугов вывозим.
Морозы стоят за сорок.
У вас чуть послабже стали.
На полюсе — все как надо,
И мы, так сказать, не отстали.
И что интересно, Лева,—
Угрюмые наши деды
Край айсбергов и пингвинос
Считают почти соседом.
Они меж собою окают;
Мол, все ж не с того «Востока»;
Мол, из усть-цилемов надо
В космос послать кого-то;
Мол, им перед смертью с богом
Счеты свести охота.
Немало он их подурячил...
Вся жизнь начинается снова.
Бчера письмо написали,
В гости зовут Титова:
Мол, к нам приезжай, к староверам,
Сумеем приветить сокола.
Идут старики на почту,
О космосе что-то окают.
А у колодца мама.

И сразу:
«Была телеграмма?»
Да «что там?»,
Да «как там?»
«Когда же
Заглянет в село родное?»
«Да, ничего не скажешь,
Односельчан уважила —
Героя вскормила,
Героя»,
«В газетах-то вся Россия
Портреты Левонтия видит...»

Как там у вас, земеля?
Как там дела в Антарктиде?

* * *

Есть в классе у тебя малыш
С ненецкими раскосыми глазами.
Уже два раза в тундру убегал
И в чум по застругам искал дорогу.
И находил.
Ты пригляди за ним.
Поласковее будь.
Побереги.
В нем детство повторяется мое,
Которое манил к себе простор.
В какой-то час он сам к тебе придет.
«Простите,— скажет,— догоню ребят».
И ты поймешь, что школа для него
Всего лишь дверь в большой и светлый мир.
С ним тяжело.
Он для тебя — беда,
Малыш с живыми черными глазами,
А мне всегда приносит радость он.
В нем детство повторяется мое,
Которое манил к себе простор.
В просторе — новой формуле ответ,
В просторе — песня, что еще найти.
Бессоница. Раздумье. И мечта.
Рождение того, что мы зовем
Прекрасным будущим.
И там найдет малыш
Все, что сейчас упрямо ищет он.
Так — посмотри,
Так пригляди за ним.
Поласковее будь.
Побереги,
Чтоб он в тебе товарища нашел.
Из парня может выйти человек.

РОДНИЧОК

Где Пижма берет истоки,
У каменистых круч,
Как северянин окая,
Бьет безымянный ключ.
Тихо,
вначале робко,
Ощупью,
налегке,
Он пробивает тропку
К давно замерзшей реке.
А осмелев — ударит
Смаху о толстый лед.
Смотришь — на месте опарин
Заберега блеснет.
В самую лютую стужу
Бьет родничок из-под скал.
Он-то мне был и нужен.
Я долго его искал.

НА НОЧЛЕГЕ

Свет потухает в полночь,
Заря занимается в три.
Ни постовых.
Ни асфальта.
Ни блеска газетных витрин.
О чём призадумался, сверстник?
Дымишь.
Дымишь.
Свет погасили в колхозе.
Тиши.

Может, жалеешь, что лето
Слишком у нас коротко.
Вспомнил о той, что махнула
Вчера с косогора платком?
Нам до глубокого снега
Еще вдоль речушек брести
И слушать, как под ногами
Лист ивняка хрустит,
Как лоси идут к водопою,
Людских не боясь следов,
Как ели шумят на месте
Будущих городов.
Может, сюда вернемся
Уже не одни весной —
И загудят моторы
В чаще лесной.

А дальше давно известное —
Асфальт и шуршанье шин...
Мы с тобой, как прохожие,
Постоим у газетных витрин.
Прочтем от строчки до строчки
Страницы свежих газет.

Кого-то поддержим: «Точно!»
Другому ответим: «Нет!»...
И снова в тайгу,
В увалы
Нас позовут дела.

А найдено очень мало,
Напрасной разведка была.
Может, ошиблись в чем-то?
Нет!
Нет!
Горы до выпада снега
Дадут ответ.
Будь веселее, сверстник.
Дымишь...
Дымишь...

Нет ничего тяжелее,
Чем эта тишина.

ЧП

Памяти Петра Комарова

Лесовика * вчера обидел кто-то,
Обворовал.
В избушке до открытия охоты
С полмесяца всего лишь не бывал.
Пришел туда —
еще очаг горячий.

Накурено.
Взглянул на стол:

— Постой...
Украли, черти!

Парень чуть не плача
Глядел в отчаянья на стол пустой.
Крупа на месте.
Сахар не задет.
Мешок —

в нем сухари —

не тронут тоже.

Еще оставили корейки на обед
И подарили перочинный ножик.

— Нет книжек...

Знаешь?..

Про снега Шантары.
Занятные они... По мне.

...А чайник наш окутывался паром
И алюминий плавился в огне.
У нас на севере — как редкость кражи.
У нас не держат на дверях замков.
Кто был в избушке, после сами скажут:

* Лесовик — так называют на севере промысловиков, углежогов.

— Прости, мы уходили далеко.
И нечего читать.
Прости за это.
Когда вернулись — ты уже ушел.

Друзья мои, вы все в душе поэты,
И это очень даже хорошо!

Обижен лесовик:
Обворовали.
А вроде не задели ничего.

...Во всем районе купите едва ли
Два томика, что были у него.

БАЛЛАДА О ЛИНЕЙНОМ МОНТЕРЕ

Нарушена связь, и начальник конторы
Срочно к себе вызывает монтера.

Явился.

Послушал.

Ответил:

— Я вижу: домой заглянуть — и на лыжи.

— Да, где-то обрыв, осмотреть и найти.

— Считайте, уже в пути.

Как струны, натянуты провода.

Морозище — жуть берет.

Парнишка такого еще не видал,

Но идет.

Как не идти, если связи нет,

Молчат четыре деревни...

Блестит на снегу одинокий след.

Трещат деревья.

Бросило в пот.

Лицо обожгло

колючим, как иглы, ветром,

Звенят рукавицы. Пальцы свело.

Он на восьмом километре.

Сколько еще?

Найти бы скорей.

Перед глазами круги.

Сумка связиста все тяжелей.

Все тяжелей шаги.

А провода все сильней гудят.

На них серебрится иней.

Деревья, кажется, все подряд

От холода стали синими.

Пятнадцать прошел.

Остается шесть.

Полегче будет с горы.
Но глянул на столб и решил присесть:
Вот он — обрыв!
Руками концы проводов берет,
Соединяет их.
Ладони в крови, но это не в счет,
Работы здесь на троих...
А завтра, быть может, начальник конторы
Снова к себе позовет монтера.
— Где-то обрыв. Осмотреть и найти.
— Можно идти?

КОШЕНИНА

На всю жизнь я в сердце сберегу:
Кошенина сохнет на лугу.
На речных зеленых берегах
Появились первые стога.
Ранним утром не точить косы,
На плече мне грабли не носить.
— Завтра на Великую иди,—
Мне уже не скажешь, бригадир.—
Там косьба закончена вчера,
Кошенину убирать пора.
Но со мной осталась навсегда
Радость незаметного труда:
Лечь попозже и вскочить чуть свет,
Молоко холодное в обед
Жадно пить и разговор вести,
Кто косить, а кто пойдет грести.
Помню я, как по густой росе
Разгуляться ты давал косе,
Где машина не могла забрать,
А трава — такую поискать.
В междузорье чуть поспим в стогу.
Кошениной пахнет на лугу...
Прокричат в заречье петухи —
Напоют мне первые стихи.
Ты, совсем забыв, что с бородой,
Брызньешь в спящих девушек водой.
Митрич!
Митрич!
Ведь и мне, кажись,
Тридцать лет.
Своя. Иная жизнь.
Но, как ты, я в сердце берегу
Запах кошенины на лугу.

* * *

Плохо человеку,
Когда сердце сдает.
Кажется: валятся сосны вокруг...
Снова сегодня шальное мое:
Ту-у-к! Тук!
Словно топор браконьера в ночи,
Лишь филин которому вторит,
Снова предательски ты стучишь,
Меня подрубая под корень.
Своих обещаний не выдержал я,
Режима какого-то не сдержал —
То сосны приснятся,
То полынья,
То — острие ножа.
Мучила раньше ночами тоска,
Что так вот споткнусь где-нибудь, упаду...
Ни глины сейчас не боюсь, ни песка,
Сердце мое, на твою беду.
Что значит какой-то там день или год?
Силенок своих прозапас не хранить.
Два сына сейчас у меня растет —
Дальше пойдут они.
Ты же меня понимаешь. Держись!
Шальное мое, мы с тобой молодцы.
Дай нам другую, спокойную жизнь,—
Сразу же отадим концы.

ИВНЯКОВАЯ СТОРОНА

Как живется тебе, далекая,
Ивняковая сторона?

Прошумела ли над наволоками
Белой ночью речная волна?

Сколько сена в запас накошено?

Сколько семги отбилось в сетях?

Сколько новых скважин заложено

И куда косачи летят?

Что там,

Как там сейчас — не ведаю.

Мне бы в руки ружье да в тайгу...

Ни в луга заливные, ни в едому *

Заглянуть до весны не смогу.

Ты нужна мне не как отдушина.

Все как надо.

Я жив-здоров.

...За твою деревушку Полушкино

Перепало от мастеров.

Заставляют стихи перечеркивать.

Понимать начинаю сам,

Что нельзя пробавляться вечерками

И любовью своей к лесам.

Долго думаю.

Молча слушаю.

Что полезно — мотаю на ус.

Ты же знаешь, что я — полушинец.

Из Полушкино я.

Держусь.

В деревушке нашей не видано,

Чтоб домой возвращаться пустым...

Мастера мне путевку выдали,

* Едома — домашний, правый берег реки.

А ругают?
Чтоб не остыл!..
Чтоб за едомой,
За наволоками
Мне Россия была видна...

Как живешь ты, моя далекая,
Ивняковая сторона?

С лышишь? Чайник урчит,
как черныш на току.
Ветерком раздувает костер.

六 六 六

III

елогрейку снял и сел на нее,
И сижу уже битый час.
Снова солнце за синим хребтом встает
И березы пускаются в пляс.
То качнет головой, то рукой взмахнет
Та, что многих белей и стройней.
А ручей, по-шалляпински, басом поет,
Пробивая дорогу к ней.
Снова селезень в небе дугу описал.
Тезка мой закурлыкал вдали.
Взбудоражила хмурые наши леса
Беспокойная юность земли.
— Поздравляю с весной! — себе
говорю, —
Скоро белые ночи во всю зазвенят...

Край таежный, ты только за эту
зарю
Все, что хочешь, потребуй с меня.

ПЕСНЯ О МАЧЕ

1. Гришкина изба

В той избушке над синью Мачи
Вместо стульев стоят чураки,
А под окнами селезни крячат
И мережи трясут рыбаки.
А веретии!

Лишь на севере,
Лишь в разлив вы увидите их —
Островки из черемух и клевера
Да какой-то присухи-травы.
Есть избушка на речке Мача.
У избушки хозяин есть.
Может, вместе махнем порыбачить?
Рад старик, если слышит весть,
Что в избушке его ночевали,
Что согрела в ненастье она...
Только кто же под окнами валит
Тару битую из-под вина?
Кто изрезал и стены и двери,
Кто капканы унес с чердака?
Кто же валенки вздумал примерить
И оставил без них старика?
Если вы —

позабудьте о Маче —
Нету места в избушке таким.
Сизый селезень вам не прокрячет.
Песню вам не споют рыбаки.

2. У костра

Медный чайник урчит, как черныш на току,
Ветерком раздувает огонь.
Где же кружки?

Попьем напоследок чайку —
Снимет он и усталость, и сон.
С этой ночи пойдет голубан напрямик
Вслед за льдом, что ломает дороги.
Ты с плеча безотказную тулку сними
И до осени больше не трогай.
Медный чайник урчит, как черныш на току,
Ветерком раздувает костер...
Голубан промахнет.
Ветер вскроет реку.
И огнище травой заастет.
И зальет наволоки большая вода...
Но останется радость в сердцах навсегда.

3. Раздолье

Вот оно раздолье.
До верхушек
Вновь кусты затоплены водой.
Мы щербу наварную на ужин
Целый час готовили с тобой.
Нам еще бы задержаться малость,
Мы еще объехали не все...
Жаль, но времени в обрез осталось.
Что отсюда в сердце унесем?
Полых вод бескрайнее раздолье,
Мерный скрип уключин над рекой,
На горбушку сыпь побольше соли.
Нечего стесняться: сам такой!
Вот оно — раздолье.
Минут годы.
Скажем: молодость прошла давно...
Солнце пало в голубые воды,
Искупаться вздумало оно.

Раза два купнется — и проснется,
Ярким светом землю озарит.
Долго нам теперь не доведется
Слышать, как смеются космари,
Как они с веселым перезвоном
На свои гнездовища спешат.
Над огнищем нашим, над затоном!..
Радуйся охотничья душа!
Издалека прилетели стаи —
Из-за синих гор, из-за морей.
Мы-то знаем,
Мы с тобою знаем,
Что на север тянет космарей!

4. Зазимок

Что же это? Опять пустые.
Лишь одна трескотня кругом.
Все притихло на Маче. Застыло.
Вместо выстрелов — ледолом.
Убывает вода и от этого
Тонкий лед по кустам трещит.
Тело снова на холод сетует,
Хоть тулуп из деревни тащи.
И откуда морозу взяться бы?
Холода стоят. Холода.
Но погода скоро сломается —
Запоет,
Оживет вода.
С нами тоже бывало разное:
Так прижмет порой, что держись.
Как вода, оживем — и празднуем...
Жизнь!..

5. Тишина

Вторую ночь — сплошная тишина,
Какой ни разу не знавали дома:
Мы слышим — к солнцу тянется трава
И лопаются почки у черемух.
Вторую ночь — сплошная тишина.
Когда бы я не видел это сам,
То не поверил бы, что может быть такое.
А как звенели птичьи голоса,
А как свистели крылья над рекою.
Вторую ночь — сплошная тишина.
Мы лишние сейчас с тобой на Маче.
Стать матерью готовится она.
Дни ожидания — как много это значит!
На гнезда села птица.
Тишина.

ЛЕДОХОД

Зашумел,
Загремел,
Разломало дорогу.
По кускам разнесет.
Разобьет на порогах.
А давно ли возил
Кто-то сено по ней,
Понукая усталых коней.
— Загудел! —

все вокруг засверкало, ликуя,
Все довольны кругом:
— Ледоход!..
— Ледоход!..
Полозница?
Особо по ней не тоскуем:
Вслед за зимней дорогой
Половодье идет.
Время судьбы порой, как дорогу, ломает;
Пеной станешь — и то не беда...
Если пожни покрыла трава молодая,
Значит жизнь не прошла без следа.

ВЕСЕЛЫЙ КУТ

Куда нас только ноги не заносят...
Заря прошла.
Устал.
Пора присесть.
Веселый Кут, ты вновь встречаешь осень.
Ты помнишь, как я заблудился здесь?
Разжег костер.
Мне стало страшновато.
Всю ночь сидел я около огня.
Казалось мне: шумят не перекаты —
Вот-вот медведи слопают меня.
А утром речка присмирила сразу,
Услышал я: дуплетами палят,
И напрямик пошел, звериным лазом
Через кусты, где тесно от маслят.
Я снова стал мальчишкой диковатым.
— Молчок, что заблудился!.. Никому!..
И не медведь мне встретился — сохатый;
Я шапкой помахал ему.
Сижу сейчас и поджидаю снова,
Как в стороны тропинки побегут...
Возьми меня и закружи,
Сосновый,
Березовый,
Малиновый,
Еловый,
Веселый Кут.

СОХАЧИ

Я видел, как два сохача
Столкнулись на древнем увале —
Все в пене,—
рогами стучат,
Все сосны вокруг обломали.
Был тесен увал для двоих.
Забыта любовь,
Не растащишь...
И важенка скрылась от них
В густую еловую чащу.
К ней тут же комолый пристал —
И ласково так промычала...
Чуть треснули ветки в кустах —
И все повторится сначала.
Опять ожидает любви.
И,— слышишь! — опять среди ночи
Сохатый в тайгу затрубил —
Померяться силами хочет.
Ревет на увале сохач.
То гневно, то хрипло, то нежно:
И мне его жалко, хоть плачь,
Слепого в любви безудержной.

ЗАКЛИНАНИЕ

Я бродил по Едоме,—
По лесам еловым.
Как и сам не ведаю
Заблудился снова.
Ни дорог,
Ни выстрелов.
За рассохи,
В топи
Завела нечистая
По звериным тропам.
Я венок из мяты
Подарил рябинке.
Подлечил сохатым
Сбитую осинку.
Мне открыла Едома
Старую избушку
И косым поведала
Проводить к опушке.
Растопил я каменку,
Слушая с порога,
Как сбегались зайньки
Протоптать дорогу...
Утром я к деревне
Шел по их пометкам
И в лицо деревья
Не хлестали ветками.
Потому на Едоме
И плутаю снова,
Что она поведала
Заклинанье-слово.
«Молодо-зелено
Бродит по лесам...»—
Разглашать не велено.
Догадайся сам.

* * *

Взглянул в окно — белым-бело.
На горку вышел — тихо-тихо.
Тропинки снегом замело.
Не хрустнет под ногой брусника.
Зима?
Но этот снег сойдет.
Вновь гуси закричат в тумане.
Еще не начался отлет.
Брусника?
Только слаще станет.

Е

ще одна счастливая заря

Скатилась с сопки в сизые кусты.

* * *

M

ы вместе начинали путь.
Ты с деревенского причала
Мне целый час платком махала.
А чайка белая кричала:
— Не позабудь!
— Не позабудь!
Мы вместе начинали путь.
Нам жизнь настойчиво внушала:
— Быть пассажиром — это мало,
Запомни с первого причала...
А чайка белая кричала:
— Не позабудь!
— Не позабудь!

Мы вместе начинали путь.
Есть и у нас свое «бывало»,
Которое берет начало
С того соснового причала,
Где чайка белая кричала:
— Не позабудь!
— Не позабудь!

НАД РЕЧКОЙ

Я опять становлюсь угловатым.
Даже слова сказать не могу.
Все с того, что расселись девчата
В полукруг на речном берегу.
Та же кофточка.
Та же улыбка.
И такой же насмешливый взгляд.
Слышу пенье задумчивой скрипки.
Нет, не скрипка — то сосны шумят.
Дуют ветры, пропахшие мяты,
А меня одолела тоска...
Где же ваша подруга, девчата?
Помогите ее отыскать.

„Она растет не для меня“
Старинная песня.

* * *

Прощай! Как стужа птицу гонит
На теплый юг: «Скорей! Скорей!»—
Несут меня по тракту кони
Навстречу огненной заре.
Прощай! На ближнем полустанке
Слова любви не прозвенят...
Тугие косы северянки—
Они росли не для меня.
И сбросив лед, не для меня
Весной Печора разольется,
И ты у старого колодца
Улыбкой встретишь не меня.
Как знать: увидимся ли снова?
Летят снега.

Молчат леса.
До полустанка на почтовых
Езды всего-то три часа.
Старик с обмерзшими усами
Поет, морозице кляня,
Что дева с черными бровями
Росла в селе не для меня;
Что в летний день не для меня
Вершины сосен встрепенутся,
И в небе ласточки завьются
Не для меня,
Не для меня!
Поет старик.
Скрипят полозья.
Твержу себе: «Переживу!»
И снега голубые гроздья
Летят с деревьев в кошеву.

Еще увидимся.

До встречи!

Ты слышишь — провода гудят:

Не верим, что никто под вечер

Не ждет тебя,

Не ждет тебя!

ЗВЕЗДОПАД

Отругала за ласковость рук,
Убежала...
Но я не таков,
Чтоб не слышать растерянный стук
Невысоких твоих каблуков.
Звезды сыплются с неба вокруг,
На бывальшину вечер похож.
Если ты отстаешь от подруг,
Значит, снова меня подождешь.
Отругаешь за ласковость рук.
Засмеешься.
И вновь убежишь.
Мой, капризный, застенчивый друг,
Ты мне только одно скажи.
Только слово...
И звезды посыпались снова.

СВЕЖУН

Что отвечу на твои упреки?
Лишь одно скажу:
В жаркий полдень из краев далеких
Налетит свежун
И прихватят нежный цвет морошки
Снег и град:
Сгоряча переборщит немножко
Мой молочный брат.
Мог бы мягче,
Мог бы,

но не хочет:

И ему порой
Неумолчно о своем грохочет
Океан седой.

Так и я.

Ты не серчай на это...

Жизнь — одна!

Знаешь, есть на севере примета:
Не бывать устойчивому цвету,
Не видать безоблачного лета,
Если нет на зелень свежуна.

ПЕРВЫЙ ЗАМОРОЗОК

Из калтусов —

из чащи дикой

В Остапков бор слетелась птица:
Холмы усыпаны брусникой.

А нам-то что с тобой не спится?

Блестит на соснах первый иней.

Хрустит кочкарник под ногами.

Ни ягод, ни грибов в корзине.

Зачем пришли — не знаем сами.

Не ты ли в юности умела

Горстями сыпать в рот бруснику?..

Здесь мох, как иней, белый-белый,

А ягоды...

— Васек! Гляди-ка...

Давно ты так не называла.

Я понял почему не спится:

Любовь гнездиться улетала,

Она вернулась вместе с птицей.

ПРИЕМЫШ

Журавли курлычат в мелколесье.
К вечеру опять заморосит.
Ни до смеха снова,
Ни до песни.
Ни о чем сегодня не проси.
Снова плачут.
Значит, быть ненастью.
Залезай в тяжелые плащи.
...А они находят в этом счастье —
Грязь болотную в гнездо тащить.
Не хочу.
Не стану.
Не за этим
Их приемыш набирался сил.
Не последний он на белом свете.
Улетел.
Прощенья не просил.
Чтоб с тобой вернуться в мелколесье
И крыло по кочкам волоча,
Напрямик признаться:
Не до песни.
Друг мой,
 самый верный,
 выручай.
Мне б лучами солнца расплескаться,
Наполняя светом каждый дом...
Помоги подняться,
Распрощаться
С тем, что называется гнездом.

А ты такая же несносная,
Как в ранней юности была.
Того и жди, что дашь разносную,
Заброшу все свои дела.
То, как шелонник бросишь к отмели,
Повалишь на бок паруса.
То вдруг прильнешь, как бы не отняли,
Ревнуя к рекам и лесам.
То отодвинешься; внимательно,
Прищурясь, поглядишь в лицо.
И я опять иду в старатели,
Себя почувствуя юнцом.
Да! Ты такая же несносная.
Все необдуманно, с плеча.
Но я люблю твои разносные,
И беспринципно получать.
Ну, что молчишь? О чем печалишься?
Мы помирились...
Улыбнись!
Мне с каждым годом больше нравишься
Ты —
Так похожая на жизнь.

* * *

Еще одна короткая заря
Скатилась с сопки в сизые кусты.
— Как похудел,— мне люди говорят.
— Не бережешься,— ночью шепчешь ты.
А дни летят, как стаи лебедей,
Своим путем, не спрашивая нас.
Не упрекай, а лучше порадей,
Чтоб не прошел бесследно даже час.
Не слушай то, что люди говорят:
Не утомился я и не простыл...
Еще одна счастливая заря
Скатилась с сопки в сизые кусты.

* * *

Лебедь моя белая,
Лучшая из всех;
Чтобы мной не сделано —
Промах и успех,—
Примешь, как положено
Принимать любя...
Вот и песня сложена
Про тебя.

* * *

Все в дорогах, дорогах, дорогах.
Повторяю: «Еще немногого...»
И целуешь, и злишься, и плачешь,
Но не можешь представить иначе.
Пишешь мне: «Не тревожься, милый!»
За дороги, знать, полюбила.

Ж
а севере живу, но не в глуши,
Свою сторонку не считаю дальней.

ЗА МЕГОМ

3

а мегом,
За лесом дремучим
Лежало село...
Когда бы не горные кручи,
Его бы совсем замело.
Завалит по крыши снегами,
Живут до весны, как в норе,
Лишь месяц заденет о камень,
Блеснет серебром на горе.
Леса да гнилые болота
И мег —

заколдованный мег,
Где сгинул, уйдя на охоту,
Пропал не один человек.
Вдоль речки — четыре десятка,
А прямо — всего две версты,
Но черт наступает на пятки,
Закрутит тебя — и в кусты.
Плеснет синеватое пламя —

И серой запахнет в ночи,
Царапаешь землю руками,
«Спасите!» — кричишь.
Никто не расскажет, как было,
Не бросится тут же искать...
Опять мое сердце сдавила
Кержацких преданий тоска.
Мы мег проезжаем.
На кручах
Блестят рудников огоньки...
Для нас это просто излучина
Таежной реки.

ВЕКА

Косогоры, поженки, болотины,
Хвойные леса,
Я под утро слышал за поскотиной
Чьи-то голоса.
Может, сбросив телогрейку рваную,
Здесь сидел ушкуйный атаман,
Развернулась скатерть самобранная,
Прошумел за лесом океан?
Вот они,

ушкуи —

разговляются.

— Ты откуда появился, друг?

— Родич вам!

И чаша наливается.

Подают...

И — тишина вокруг.

Только я да лайка востроухая,

Да костер горит.

Даже филин в ельнике не ухает:

Он не любит утренней зари.

Вещий филин! Расскажи про прадедов;

Кто пропал в бегах,

Кто висел на царских перекладинах,

Замерзал в снегах,

Бил медведя наповал рогатиной,

Пробу брал из грунного лотка,

Угощал гостей сырой сохатиной...

Века!

Века!

ПИЖМА

В детстве знал о тебе не много.
В годы юности для меня
Ты невзрачной была,
Убогой,
Староверский уклад храня.
В дом заходишь — не улыбнутся,
Лишь посмотрят — урмана темней.
Расписное не дрогнет блюдце
На раскольничьей пятерне.
Вот и все, что оставила память,
Но однажды услышал я весть,
Будто старая тропка за Камень —
За отроги Тиманские есть.
Будто тропкой той из Расеи
Крепостные бежали сюда,—
Те, кто жито на гарях посеял
И связал из травы невода.
И как будто леса расступились,
В голубые просторы мания...
Земляки, окажите милость,
Осчастливьте улыбкой меня.
В дугу гнуло вас и корежило,
Не снимали с ремней ножи.
Вы, кем песни протяжные сложены,
Даже взглядов боялись чужих.
Пижма!
Пижма!
Кресты да молельники,
Староверовских бород седина...
Сколько родичей сгинуло в ельниках,
Выпив горькую чашу до дна.
Прочь тоска! Не выматывай душу,
Грудь когтями не рви, как медведь...

Пижма! Радость моя, послушай,
Нам пора по-другому петь:
И смеемся взахлёб,
И бороды
Для солидности лишь у парней...
Рудниками Алмазного города
Скоро мы прогремим по стране.

ВСТУПАЮЩЕМУ В ЖИЗНЬ

Есть легенда, что в Мишкиной черной избе
Жил когда-то на Цильме старатель.

Сколотил из бродяг он бригаду себе
И песок промывал на речном перекате.
Голубые леса.

Золотые пески.

Бьют каменья о ноги босые.

Гнус вконец одолел.

Подыхают с тоски

В глухомани пришельцы с России.

Самородок нашли

(этак фунта на два)

И пошла кутерьма,

Заблестели ножи.

Понял старый, что тут не помогут слова:

Кровью залиты выходы проклятых жил.

Самородок он в омут забросил тогда,

Трижды плонул и скрылся куда-то.

Кто он был и откуда — не скажут года,

Но народная память крылата,

Говорят, что остался на Цильме старик —

Караульным несметного клада.

Хочешь встретиться с ним?

Так иди напрямик

Через топи,

леса,

снегопады.

Он давно тебя ждет.

Все, что хошь забирай.

Здесь богатств и на правнуков хватит.

Для тебя сохранил этот сумрачный край,
Как великую тайну, старатель.

Все узнаешь ты в Мишкиной черной избе,
Но в пути позабудь о себе.

ПЕРЕВОЗ

По пескам,
По наплесткам,
По камням,
Босиком,
К перевозу подросток
Из села —
Пряником.
Волны бьются о лодки
И белеют вдали...
— Размоталась обмотка.
Подержи костили.
Чей ты будешь, земеля?
Переехать бы мне.—
Мы с солдатом присели,
Как ровня, на бревне.
Оказалось, соседи,
Даже больше — родня.
— Что нам ветер! Поедем,—
И взглянул на меня.—
— Не такое бывало.
Ты садись на корму.
Дома, как увидали,
Все на шею ему.
Ну от радости плакать.
— Хватит, вам. Завели!..
А с порога собака
На его костили
Все моргала, моргала —
И ползком под кровать:
За куницей в увалах
С ним уже не бывать.
Разве только с подростком,
Что опять,

Босиком,
По пескам,
По наплесткам
Далеко-далеко
Убежал, чтоб забыться,
Чтоб никто не видал!..
Нам до старости сниться
Будут эти года.

Биться!
Биться!

НАЧИНАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕК

Рушат волны гранит по ночам,
Злой шелонник шумит над заливом
И гагары о чем-то кричат
Над зимовкой тоскливо-тоскливо.
Связи нет и начальник сердит,—
Усмехается: «Значит, заело?»
Не спи. Обмозгуй. Погляди.
Лишь потом принимайся за дело.
И уже не забудешь вовек,
Что романтика — это работа...
Начинал свою жизнь человек
На безвестных студеных широтах.

* * *

Не я ли тебе говорил:
— Устал.
На уток махнуть бы,
В заречье...
А назавтра снова в четыре встал —
И закрутился до вечера.
За окном заря день и ночь горит,
Голубан потянул на север,
А я тревожусь, черт побери,
О каком-то весеннем севе.
Иду к трактористам,
В бригады спешу,
Забыв, что мне дан отгул.
И уток не бью, и стихов не пишу,
И места найти не могу.
Земля после вспашки черна и мягка,
Но трактор сломался — не видно конца...
И вьется махорочный дым у крыльца,
И просят: «Возьми РТС за бока».

В ОЖИДАНИИ ПОГОДЫ

1. Ромашка

А и надо всего лишь бумажку.
— Проскочу! — умоляет пилот.
Но никак не дает Ромашко
Разрешения на полет.
Только к вечеру прояснится,
Зачернеют леса окрест,
На своей легкокрылой птице
Парень сделает все же рейс.
В куртке кожаной нараспашку,
Сдвинув набок чуть-чуть фуражку,
Поздним вечером в клуб войдет.
— Разрешите, товарищ Ромашко?
— Приземляйтесь, товарищ пилот.
А глаза у начальства искрятся,
Легкой дымкой покрыта синь —
Так и просят: ты после танцев
Куртку вновь на меня накинь.
Та, что днем не дает поблажки
И срывает порой все дела,
Не синоптик уже, а ромашка,
Что студеной зимой расцвела.

2. Здравствуй, юность

Морозные угасли зори,
Кружится снег над головой.
Я думал: ты осталась в море,
А ты вернулась в край родной.
И в это утро,
в час ненастный,

В нелетный час —

плохи дела! —

Мне вновь напомнила о счастье
И за собою повела.

Простая низкая скамейка
Для пассажиров у крыльца.
Девчонка в ватной телогрейке.
Знакомые черты лица.

Что ж, здравствуй, юность,
Снова здравствуй,
Хотя бы даже как сестра...
Я старше стал,
Я понял счастье:
Оно как сучья для костра.
Как ни кидаешь — вечно мало...
Сказал сейчас: плохи дела,
А моторист, веселый малый,
Уже сметает снег с крыла.

3. В отделе перевозок

Шум стоит в отделе перевозок.

Гром.

Кто с угрозой,
Кто пускает слезы...
Ждем.
— Нет погоды,—

отвечают хмуро

Из окна.

Из-за спин мне девичья фигура
Лишь видна.

— Успокойтесь, граждане.
Порядок.
Улетите все.
— Бюрократы.

Быть может, завтра мы совершим и это.

Как просто раскрывается секрет:

И физики, по-своему, поэты.

Мне снился Марс.

А где-то сверстник мой,

Застенчивый, простой и угловатый,

Сказал:

— Поехали! —

и помахал рукой...

Сдается космос юности крылатой.

НА СЕВЕРЕ ЖИВУ

На севере живу,
В такой глуши,
Где старина еще имеет силу.
Куда бы я, к примеру, не спешил,
Родные скажут: «Посмотреть Россию».
Через Москву — на Ялту, на Кавказ,
Бывает — и до самого Байкала,
Но где бы нас Россия не встречала,
Везде нам говорила: «В добрый час!»
И снова в гости приглашала.
Снова,
Как мать, зовет к себе издалека.
Два задушевных прадедовских слова
Эзучат сейчас на разных языках.
В Москву за сутки только долетаем.
«Такая даль!» — не выдержит иной.
«В такой дыре, где даже снег не тает.
Все пьют, наверно? Жизнь полуслепая», —
Вновь слышу я...
Пахнуло стариной.
Той стариной, что нами позабыта.
Не в нищете живем мы, не в тоске.
От прошлого, как от лады разбитой,
На берег выброшена и замыта,
И вновь волной для глаз людских открыта, —
Остались лишь обломки на песке.
Живу на севере,
Но не в глуши,
Свою сторонку не считаю дальней,
Хотя и пишется в бумагах: «Крайний!»
Ты с выводами, спутник, не спеши.
Ты видишь:
под крылом течет река.

В шуге она —

снега по всей округе...

А мы ее возьмем от старика.

От севера:

— Целуйся с югом!

* * *

Испеки мне, мама, кулебяку,
Так, чтоб и румяна и жирна,
С корочкой подсохшей до черна...
Снится мне который раз она.
Испеки мне, мама, кулебяку,
Я ее тихонько разломлю,
Корочку от рыбы отделяю,
И, прикрыв газетой, до обеда,
Приглашу друзей ее отведать.
Испеки мне, мама, кулебяку.
Я вдали от вас затосковал
По рыбакским парусам, по дому —
С моря, знать, пошел на берег омуль,
Полегла от инея трава...
Испеки мне, мама, кулебяку.

ЧУЖАК

— Красота какая!
Рай раскольничий.
Знать, жилось вольготно и легко.
Не осталось ничего от вольницы,—
Ты вздыхаешь тяжко над рекой.
Да, у нас красивые места.
Жаль, что ты немного не застал.
Жаль, что ты родился поздновато.
Эти пашни вскопаны лопатой,
Здесь один,

другой

и третий век

С глухоманью бился человек.
— Красота какая!
Рай раскольничий.
Вижу след глубокой старины.
Слышу голос староверской вольницы.
За рекой часовенки видны.

И святые есть у нас места!..
Жаль, что ты немного не застал.
Видишь?

Рядом деревушка Скитская
Мне она по крови страшно близкая...
Здесь себя в часовнях запирали,
Здесь себя десятками сжигали
И просили перед смертью бога
В рай пустить.

Ты опоздал немного.

Край не тот.
И мы давно не те.
Что ты понимаешь в красоте!

ПОЕХАЛИ

Приснился мне раскрытый чемодан
И дремлющий, пропахший мятым ветером,
Как будто ждет меня ракетоплан,
Чтоб от земли отчалить на рассвете.
— Слетать на Марс? — Такой маршрут по мне.
Давно манила звездная дорога.
Семья?

Я буду вспоминать о ней.
А если что...

Друзья всегда помогут.
Прощаемся...
Без суеты,
Без слез,
Как будто уезжаю на неделю
Не в межпланетный рейс,

а так, в колхоз,
Принять участие в горячем деле.
Сейчас повсюду разговор идет:
Мол, физика — она в особом плане.
А лирика?

Ей ни к чему почет,
Ей только место дай в ракетоплане.
Кто марсианам сможет передать,
Что привело корабль на их планету?
Их, может, нужно научить мечтать,—
Кто лириков заменит в этом?
Кто поведет на Марсе разговор
О родине, о голубом рассвете?
Вставало солнце.
В тонких сетках штор
Запутался пропахший мятым ветером.
Слетать на Марс?!
Никто не скажет: «Нет!»

Быть может, завтра мы совершим и это.
Как просто раскрывается секрет:
И физики, по-своему, поэты.
Мне снился Марс.
А где-то сверстник мой,
Застенчивый, простой и угловатый,
Сказал:

— Поехали! —

и помахал рукой...

Сдается космос юности крылатой.

НАД УХТОЙ

Ветлосян, гора медвежья,
Не забыла ты,
Как по хвойникам безбрежным
Разнеслось: «Ух-ты!»
Разнеслось
И укатилось
В голубой туман.
Лишь на божескую милость
Уповал Иван.
Тот Иван. Каких бродило
Много по Руси.
Только бы с крестом могилу!—
Больше не просил.
Может, он — Иван безродный —
Родич мне прямой.
Я с утра брожу сегодня
Над рекой Ухтой.
Где от прошлого осталась
Дряхлая изба.
С чьей-то меткой завалялись
Два больших столба.
Пропитались нефтью,
илом —
Сберегла река.
Мы и жизнь перестолбили
На века.

ВЫСЕЛОК

День плывет косяками льдин
За скрипучей дверью повети...
Мы с тобою один на один
Оказались на этой веретии.
Ты и радость моя и беда,
Староверское горе-наследство.
Ты меня и хлестал, и бодал,
Хрястал ложками по лбу в детстве.
Я покинул тебя.
Не ропщи!..

Ты и сам, наверно, заметил:
Льды не может река протащить,
Чтоб твою не размыть веретию,
Чтоб по бревнышку не раскидать
Старый дом без дверей и окон,
Пусть развалит его — не беда —
Гниль с того и другого бока.
А веретия,

наша веретия...

Волочугу наставишь и рад.
По кустам собираешь для нетели.
Иву скоблят ручонки ребят.
Всю то зимушку скоблят и все же
Еле-еле дождешься травы.
У скотины лишь кости да кожа.
Только выпустишь —
пала...

Завыл!
Наказание, а не жизнь была
В дни, когда появился на свете я...
Поднялась изба,
поплыла,
Затопило нашу веретию.

Старый выселок,
ты давно
Перебрался в деревни и села,
Где и свет, и сельпо, и кино,
Чуть не в каждой избе радиола.
Мы сегодня — один на один.
Я случайно сюда — порыбачить.
День плывет косяками льдин...
Над веретией чибис плачет.

БЫВАЛЬЩИНА

Михайло Чупров, вспоминая былое,
Вчера целый вечер сидел у меня.

— От Колвы до Кожвы,
А там до Кулоя

моя,—

говорил,—

пролегала лыжня.

Кулоя? — Сколько зверя я добыл там в пасти,
Аставил ловушки на птиц...

В Кулое и соболь встречался на счастье,
Бобров добывал,
Чернобурых лисиц.

Эх, если бы скинуть...
Ушли мои годы!

Я помню: обозы по тракту плелись.
В Архангельск.

Пора показаться народу,
Не слыть же медведем всю жизнь!
Давно помышлял я об этой дороге.
Там белка, слыхал, дорога.
Ремень подтянул,
Помолился и «Трогай!..»
Уже замели полозницу снега,
И вновь появилась она,

почернела,

К речушке ручьи побежали по ней,
И косачи заурчали — несмело,
А после сильней и сильней.
И тронулся лед.

Все, кто ездил, вернулись.
Покупки успели давно обновить.

Спина у моей,
 у покойной,
 согнулась:

Мальцы, как щенки, начинают скулить.
Ни денег, ни хлеба,
 и пятого ждет...

И лавочник в долг не дает,
«Живой ли, гадает,— но нету ответа.—
Пятак заплатил бы кому, написал.
На пожню пора — начинается лето»,—
И смотрит на запад —
Леса!..
«Живой ли?»—

 под осень...

А я по речушке
На бревнах спускался,
Обросший,
 худой,
Питался грибами,
 морошкой,
 травой.

Из-за какой-то несчастной четушки
Пропала пушнина,

 подарки,
 гнедой.

А встретили как:
 — Лишь тебя поджидали.

Слыхали, что много везешь ты добра.
Крестились:—

 за встречу!
 Еще подливали...

И кто-то в ту ночь обобрал.
Проснулся в полиции.
В рваной рубахе.
В крови.

А в карманах штанов — ничего...
Пади на колени,
 ругайся и ахай —
Не выпустят вороны своего.
Начальство пришло...
Посадили за что-то...
На волю бы, думаю, выбраться как.
Домой бы скорее —
 — по горло работы.
До осени там продержали за так.
Эх, если бы скинуть,
Хотя бы с полсотни —
Пригоден лишь с ложкой за стол.
А премию дали! Выходит, — работник?!
Михайло Чупрову за сто.
Гнет дуги, чинит хомуты и обутку,
И съездит в колхозе за сеном порой.
Все с шуткой, с пословицей, с прибауткой.
Мне рано еще, говорит, на покой.
Вчера просидели мы с ним до полночи,
Он молодость вспомнил,
 испили чайку...
Признался Михайло, что хочется очень
До коммунизма дожить старику.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Усть-Цильма! В нее загляни ненароком	
Север	7
Приглашение в гости	8
Путина	9
Если ты родился в катагаре	10
Новосел	11
Далеко деревня Оксино	13
Так держать	14
Низовья	15
Поморы	16
Зеленая	17
Да! Я географ	18
Привет в Антарктиду	19
Есть в классе у тебя малыш	21
Родничок	22
На ночлеге	23
ЧП	25
Баллада о линейном монтере	27
Кошенина	29
Плохо человеку	30
Ивняковая сторона	31

Слышишь? Чайник урчит

Телогрейку снял	35
Песня о Маче	36
1. Гришина изба	
2. У костра	
3. Раздолье	
4. Зазимок	
5. Тишина	
Ледоход	40
Веселый кут	41
Сохачи	42
Заклинанье	43
Взглянул в окно	44

Еще одна счастливая заря

Мы вместе начинали путь	47
Над речкой	48
Прощай! Как стужа птицу гонит	49
Звездопад	51
Свежун	52
Первый заморозок	53
Приемыш	54
А ты такая же несносная	55
Еще одна короткая заря	56
Лебедь моя белая	57
Все в дорогах, дорогах, дорогах	58

На севере живу, но не в глухи

За мегом	61
Века	63
Пижма	64
Вступающему в жизнь	66
Перевоз	67

Начинал свою жизнь человек	69
Не я ли тебе говорил	70
В ожидании погоды	71
1. Ромашка	
2. Здравствуй, юность	
3. В отделе перевозок	
На севере живу	74
Испеки мне, мама, кулебяку	76
Чужак	77
Поехали	78
Над Ухтой	80
Выселок	81
Бывальщина	83

5253

Оформление В. В. Полякова

Редактор Г. Каменная
Корректор Н. Адамова

Техн. редактор И. Цивунин

Сдано в набор 4|VIII-1962 г. Подписано к печати 28|X-1962 г.
Формат 70×92¹/₃₂ 7,375 бум. лист. 3,217 печ. лист. (Уч.-изд. л. 2,56).
Тираж 2000 экз. Заказ № 3191. Ц01228. Коми книжное
издательство. Дом печати. Цена 23 коп.

г. Сыктывкар, Республикаанская типография Полиграфиздата
Министерства культуры Коми АССР

22000